

А.В. КЫНЕВ*

КАЧЕСТВО РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ: ПОПЫТКА ИЗМЕРЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена проблеме измерения различий институционально-демократического развития между регионами страны.

В 2000-е в России было два самых заметных проекта измерения демократии на региональном уровне: рейтинги Московского центра Карнеги и института «Общественная экспертиза» и группы «Меркатор». В дальнейшем эти методики невозможно было применять из-за изменения избирательной системы и других политико-институциональных характеристик.

На фоне расцвета различных социально-экономических и персональных губернаторских рейтингов 2000–2010-х годов в 2014 г. была предпринята попытка вернуться к оценке не личностей и состояния тех или иных сфер экономики, а региональных политических режимов как таковых через модификацию методики Московского центра Карнеги 2000-х в новых условиях. Вначале работа велась в НИУ ВШЭ, затем с 2015 г. была фактически продолжена в рамках более широкого проекта Комитета гражданских инициатив. Одной из учитываемых в рамках данного проекта КГИ характеристик стала попытка оценить качество региональных политических институтов (официально названо в методике проекта «Уровень институциональной развитости и адаптивности управления»), измеряемых исключительно по формализованным критериям. В статье подробно описываются данные критерии, системы оценки по ним и представлены результаты измерений на четыре даты – начало 2011, 2015, 2016 и 2017 гг. В качестве индикаторов были выбраны уровень политической конкуренции; институциональная независимость

---

* **Кынев Александр Владимирович**, кандидат политических наук, доцент департамента политической науки факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», эксперт Комитета гражданских инициатив, e-mail: avk3101@mail.ru

Kynev Alexander, National research university Higher school of economics (Moscow, Russia), Committee of Civil Initiatives (Moscow, Russia), e-mail: avk3101@mail.ru

депутатов регионального парламента; защита парламентских прав оппозиции в региональном парламенте; состояние системы местного самоуправления через систему управления административного центра региона.

Ключевые слова: региональные политические режимы; региональные рейтинги демократичности; парламентаризм; качество региональных политических институтов.

A.V. Kynev

Quality of regional political institutions: Attempt of measurement

Abstract. This article examines the problem of measuring the differences in institutional and democratic development between the regions of the country.

In 2000, there were two most important projects for measuring democracy at the regional level in Russia: the rating of the Carnegie Moscow Center and the project of the Institute «Public Expertise» and the Mercator Group. In the future these methods could not be applied due to changes in the electoral system and other political and institutional characteristics.

In 2000–2010, various social, economic and personal gubernatorial ratings became popular in Russia. In these conditions, in 2014, an attempt was made to return from assessing the personalities or socio-economic development of the territories to the assessment of regional political regimes as such. This was done through a modification of the previous methodology of the Carnegie Moscow Center in the new conditions. Initially, the work was carried out at the Higher School of Economics, then from 2015 it was actually continued within the wider project of the Civil Initiatives Committee. One of the characteristics considered within the framework of this project was an attempt to assess the quality of regional political institutions (officially named in the methodology of the project «Level of Institutional Development and Adaptive Management»), measured exclusively by formalized criteria. The article describes in detail these criteria, the evaluation system for them and presents the results of measurements for four dates – the beginning of 2011, 2015, 2016 and 2017. As indicators, the level of political competition in elections was chosen; Institutional independence of the deputies of the regional parliament; Protection of parliamentary opposition rights in the regional parliament; The influence of the population on the formation of local government through the evaluation of the administrative system of the administrative center of the region.

Keywords: Regional political regimes; regional ratings of democracy; parliamentarism; good governance in the regions.

Использование различных рейтингов оценки демократичности национальных политических режимов давно стало привычной практикой. Существует несколько признанных систем: рейтинг Freedom House (Freedom in the World); Global Democracy; Varieties of Democracy Index; Polity IV; The Bertelsmann Stiftung's Transform

mation Index (BTI); The Economist Intelligence index; Vanhanen's index of Democracy) и некоторые другие.

Во-первых, при построении подобных рейтингов за основу берется или «минималистская» концепция демократии Й. Шумпетера и его последователей, в которой основным признаком демократии является конкуренция на выборах [Шумпетер, 2008, с. 667; Пшеворский, 1999, с. 28]; или более широкий подход, при котором необходимыми компонентами демократии также считаются соблюдение гражданских прав и свобод, законность, качество управления, защита интересов меньшинств и др. Во-вторых, рейтинги отличаются по принципу построения и выработки оценок, которые могут быть преимущественно экспертными (что является почти единственным способом оценки таких показателей, как соблюдение прав человека) или основываться на статистических показателях, не требующих экспертной оценки (это проще делать при минималистском подходе).

Однако для больших по площади, и что намного более важно, сильно территориально дифференцированных стран общенациональная оценка (будь то оценка уровня демократичности исходя из минималистского или более широкого подхода) может мало что говорить о ситуации в том или ином конкретном регионе, выступая в качестве «общей температуры по палате», не показывая нюансы, внутреннюю динамику и географическую локализацию. К примеру, Р. Даль признает, что современные демократические режимы могут быть конкурентными на национальном уровне, но включать в себя ряд гегемоний и олигархий более низкого уровня, из чего следует задача изучать не только национальные режимы, но и субнациональные объединения [Даль, 2010, с. 18–21]. Значительный вклад в изучение проблемы внесли исследования субнационального авторитаризма в Латинской Америке и США [Gibson, 2005; Gibson, 2008; Gervasoni, 2010 и др.], существует значительное число российских исследований [Гельман, 2006, 2009; Гельман, Рыженков, 2010; Россия регионов... 2000 и др.]. В России проблема территориальной дифференциации региональных политических режимов стоит особенно остро, учитывая как ее гигантские размеры, так и различия регионов по этноконфессиональному составу населения, социально-экономическому укладу, структуре расселения и другим характеристикам. Именно по этой причине такое значение и внимание в 1990–2010 гг. вызывали любые ис-

следования, призванные показать разницу институционально-демократического развития между регионами страны.

В 2000-е годы в России было два самых заметных проекта измерения демократии на региональном уровне: рейтинг демократичности регионов Московского центра Карнеги (МЦК) [Петров, Титков, 2005; Петров, 2005; Рейтинг демократичности... 2013 и др.) и «Демократический аудит регионов» института «Общественная экспертиза» и группы «Меркатор» [Яковенко, 2005; Демократический аудит регионов... 2006 и др.).

В основе рейтинга МЦК были экспертные оценки демократичности: базовая за 1991–2001 гг. и текущая, по методу «скользящей средней», за 2000–2004 гг. Регионы в них оценивались по пятибалльной шкале по каждой из 10 позиций: региональное политическое устройство; открытость / закрытость политической жизни; демократичность выборов; политический плюрализм (наличие стабильных партий, фракций в законодательных собраниях, коалиций на выборах и после них); независимость СМИ; коррупция; экономическая либерализация, включая приватизацию; гражданское общество; элиты: качество, воспроизводство; местное самоуправление.

В дополнение к более известному «экспертному рейтингу демократичности регионов» в Московском центре Карнеги существовал и публиковался только в связке с ним «инструментальный рейтинг демократичности» [Petrov, 2004, p. 249–267]. Экспертный и инструментальный рейтинги тогда задумывались как равнозначные, дополняющие друг друга: «экспертную оценку целесообразно сочетать с инструментальной, рассчитанной на базе выборов и электорального поведения» [Петров, Титков, 2005, p. 85]. «Инструментальный рейтинг демократичности» рассчитывался только по данным электоральной статистики. Однако в дальнейшем он стал неприменим из-за изменения избирательной системы и других политико-институциональных характеристик (отмена графы «против всех»; отмена прямых выборов губернаторов; введение пропорциональной избирательной системы на выборах Госдумы; реформа выборов региональных парламентов).

Индексы группы «Меркатор», впервые опубликованные в 1999–2000 г., были призваны выявить и оценить феномен «управляемого голосования», отличающегося, как правило, резко повышенной явкой и повышенным процентом поддержки одного из кан-

дидатов или партий. Авторы методики противопоставляли подобный «особый» тип типичному для большинства регионов России в 1990-е годы условно «демократическому». Предложенные группой индексы позволяли, прежде всего, выявить территории, которые по своей модели голосования соответствуют «особому типу» или приближаются к нему [Орешкин, 2001, 2007 и др.]. Индексы группы «Меркатор» также существовали в двух вариантах: в первом и более простом сопоставлялись и складывались два десятка разнородных показателей по регионам, во втором расчеты проводились по более дробным данным территориальных избирательных комиссий. Считался отказ от участия в выборах; доля «против всех»; доля недействительных бюллетеней; доля голосов за победителя («монолитность» голосования); отрыв между победителем и вторым кандидатом (партией); доля голосов за двух / трех первых кандидатов (за две / три первых партии) и т.д. Предполагалось, что самые высокие значения получали территории, в которых «особые» значения обнаруживались по всем или почти по всем параметрам.

Однако один из авторов рейтинга Д. Орешкин указывал, что на полюсе низкой управляемости *«по логике... должны быть представлены самые демократичные регионы. Но – никакой демократичности здесь нет. Здесь есть слабая управляемость, которую можно, если нравится, назвать демократией. Но лучше – как-то по-другому»* [Региональные политические поля... 2006]. В дальнейшем эту методику невозможно было применять по той же причине, что и инструментальный рейтинг МЦК – из-за изменения избирательной системы и других политико-институциональных характеристик.

Кроме того, со второй половины 2000-х годов популярными в России стали самые различные рейтинги регионов, связанные в основном с попытками найти индикаторы оценки деятельности региональной власти в условиях отмены выборов губернаторов населением и растущего схлопывания публичной политики и политической конкуренции. Их можно разделить по двум основаниям.

Первое – по составителям (ведомственные с целью официальной оценки эффективности работы администраций и формально-независимые). Из ведомственных наиболее известна «Оценка эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ» ныне упраздненного Министерства регионального развития. Второе разделение данных рейтингов – по предмету оценки. По

данному основанию их условно можно разделить еще на две подгруппы. Первая – это различные рейтинги оценки социально-экономического положения регионов и качества проведения той или иной политики. Вторая – персональные оценки губернаторов.

Из первой подгруппы можно отметить Рейтинг инвестиционной привлекательности РА «Эксперт» (на ежегодной основе с 1996 г.); Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ («РИА Рейтинг Россия»); Рейтинг информационной открытости официальных сайтов законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ (Фонд свободы информации – Институт развития свободы информации) (с 2006) и т.д. и т.п.

Несомненно, что наибольшее внимание общественности привлекали рейтинги персонифицированной оценки губернаторов последней подгруппы: Рейтинг политической выживаемости губернаторов (Фонд «Петербургская политика» и коммуникационный холдинг «Минченко консалтинг», выходил с 2007 г. каждые полгода); рейтинг политической устойчивости (Фонд «Петербургская политика», ежемесячные выпуски с осени 2012 г.); Рейтинг губернаторов информационно-аналитической системы «Медиалогия» (с октября 2012 г.); рейтинг эффективности губернаторов (Фонд развития гражданского общества, выпускался с начала 2014 г.); Рейтинг влияния глав субъектов РФ (Агентство политических и экономических коммуникаций – АПЭК, с 2012 г.) и др.

Очевидно, что данные рейтинги никакого отношения ни к измерению общего уровня демократии в тех или иных регионах, ни к оценке демократичности самих политических институтов не имели и не имеют.

Проблемы измерения качества региональных политических режимов в современных российских условиях

На фоне расцвета различных социально-экономических и персональных губернаторских рейтингов 2000–2010-х годов в 2014 г. мы с коллегами (Н. Петров, А. Титков) попытались вернуться к оценке не личностей и состояния тех или иных сфер экономики, а региональных политических режимов как таковых. Была предпринята попытка модификации методики Московского центра

Карнеги 2000-х годов в новых условиях на базе Лаборатории методологии оценки регионального развития НИУ ВШЭ под названием «Сравнительный анализ развития демократических институтов и уровня демократичности в регионах России (расчет рейтингов демократичности российских регионов). В этом проекте 2014 г., существовавшие ранее 10 показателей, были объединены в 4 группы.

I. Политический дизайн и конкуренция.

II. Самоуправление и гражданская активность.

III. Качество управления (*integrity and good governance*).

IV. Открытость информации.

В ходе проекта основная работа велась по первому направлению «Политический дизайн и конкуренция», которое имело комбинированную схему оценки из двух частей, оцениваемых отдельно по разной методике (экспертная оценка и оценка по формальным показателям), чтобы иметь возможность сравнивать, в методических целях, результаты двух оценок.

С 2015 г. эта работа была фактически продолжена в рамках более широкого проекта Комитета гражданских инициатив по расчету «Индекса социально-экономической и политической напряженности в регионах России» [Индекс социально-экономической и политической напряженности 2015].

Одной из учитываемых в рамках данного проекта КГИ характеристик стала попытка оценить качество региональных политических институтов (официально названо в методике проекта «Уровень институциональной развитости и адаптивности управления»), измеряемых исключительно по формализованным критериям, о чем речь ниже пойдет подробнее.

Также дополнительно к оценке качества регионального институционального дизайна оценивались административная устойчивость и уровень конфликтности и неоднородности элиты. Административная устойчивость отражает стабильность политического управления и кадровой политики администрации, что связано с наличием дополнительных внутренних условий для публичного проявления недовольства. Она высчитывалась, исходя из частоты замен ключевых региональных и местных чиновников за выбранный временной интервал (брался период 12 месяцев, предшествующих дате подсчета) и средней продолжительности пребывания губернатора у власти в конкретном регионе начиная с 2005 г. Экспертно оценивался

лишь уровень конфликтности (число характерных для региона постоянных или временных конфликтов) и неоднородности элиты (число устойчивых самостоятельных центров влияния в элите). Он отражает, во-первых, в значительной степени уровень контроля администрации над происходящим в регионе и степень сегментизированности элиты, во-вторых, так же, как и административная устойчивость, обозначает наличие в регионе дополнительных внутренних условий для публичного проявления недовольства (прежние конфликты, накладываясь на ухудшение социально-экономической ситуации, могут обостриться и дать кумулятивный эффект).

При оценке уровня институциональной развитости мы исходили из гипотезы, что более институционально развитая система (что предполагает наличие более сложной и сбалансированной системы власти, стимулирующей различные группы элиты, политические и общественные силы решать возникающие конфликты конструктивным путем через легальные политические процедуры) имеет больше возможностей для гибкой реакции на кризисные явления в социально-экономической жизни и построения общественного диалога, снижает уровень общественного радикализма во всех его проявлениях, включая протестные акции и акции гражданского неповиновения. Если уровень конфликтности показывает наличие конфликтов, то уровень институциональной развитости и адаптивности управления показывает наличие скорее механизмов их разрешения.

Что касается собственно оценки качества региональных политических институтов, то выбор в сторону исключительно формализованных характеристик был связан со стремлением решить две проблемы.

Проблема № 1 – Роль человеческого фактора. Одна из ключевых проблем, связанных с использованием при составлении различных региональных (и как можно предположить, и страновых тоже) рейтингов, заключается в уровне квалификации экспертов, который касается не только сопоставимости их знаний о ситуации в разных регионах, но и актуальности этих знаний, касающихся не только данных о политико-институциональной истории регионов, но и динамики протекающих сейчас политических процессов. Вряд ли большинство экспертов, регулярно дающих свои оценки, лично посещали все регионы, которые они оценивают, зачастую их оценки – это ретроспекция прошлых знаний, про-

шлого личного опыта, нередко трансляция мифов массового сознания и следствие реакции на те или иные информационные кампании, использование в реальности оценок иных лиц. Даже при наличии у эксперта опыта личных исследований по большому числу регионов по разным регионам этот опыт неизбежно разной степени актуальности. По этой причине экспертные оценки могут содержать существенные искажения, в целом инерционны, что особенно существенно при оценке ситуации в регионах, редко попадающих в информационную повестку. Именно по этой причине была предпринята попытка найти актуальные в российской политической реальности политико-институциональные характеристики оценки региональных политических режимов, по возможности универсальные для всех регионов, легко операционализируемые, измеряемые и свободные от искажений, связанных с экспертным восприятием.

Проблема № 2 – ретроспективный анализ. Еще одним важным фактором выбора индикаторов измерения региональных политических режимов является проблема ретроспекции – возможности произвести валидные измерения учитывая данные по предыдущей статистике за более ранние временные периоды и таким образом увидеть временную динамику. Ретроспективно провести адекватное экспертное исследование невозможно в силу очевидного влияния искажающих восприятие характеристик времени и пространства, невозможности адекватно восстановить окружающий информационный контент в то время и в том месте. Полностью решить проблему ретроспекции, если в предыдущий период аналогичных исследований не было и статистических данных нет, невозможно также и с помощью формализованных институциональных индикаторов. Причины – перманентные политические реформы и смена формы и содержания институтов, вида избирательной системы и т.д., а также то, что полные базы данных по ряду важных политических характеристик в 1990-е годы либо отсутствуют, либо получить эти данные крайне затруднительно. Однако можно попытаться найти институциональные характеристики, позволяющие провести ретроспективный анализ пусть не с начала 1990-х, но хотя бы с 2003–2004 гг. (начала региональной политической реформы).

Чтобы избежать дискуссии о критериях демократичности (минималистском или более широком), предлагаемая методика

оценки, очевидно, не претендует на то, чтобы отражать степень демократичности регионального политического режима в целом, скорее она говорит о демократичности устройства региональных политических институтов, качестве регионального политического дизайна.

Избранные индикаторы

При выборе индикаторов для анализа изначально было поставлено целью найти ряд взаимодополняющих характеристик, фиксирующих состояние разных элементов регионального политико-институционального дизайна. Базовая идея заключается в том, что даже имитируя какой-либо из институтов или характеристик (мимикрия под принятые демократические стандарты, когда сохраняется внешняя форма, но при этом выхолащивается содержание, является особенностью российской политической практики), власти региона не могут одинаково имитировать их все, и чем больше характеристик, тем более адекватным является результат. За счет перемножения характеристик девиантно низкий результат по одной из ключевых характеристик во многом нивелирует попытки имитировать остальные. К примеру, можно симитировать парламентаризм (например, в Чечне все депутаты парламента работают на профессиональной основе), но при этом показатели политической конкуренции покажут ее фактическое отсутствие. В таком регионе, как Курганская область, формально выборы проходят довольно конкурентно, однако областная дума фактически бесправна и только два депутата работают на профессиональной основе и т.д.

Индикатор № 1. Уровень политической конкуренции.

В качестве измерения взят показатель эффективного числа партий М. Лааксо и Р. Таагереры [Laakso, Taagerera 1979], рассчитываемый по формуле $N=1/\sum p(i)^2$, где $p(i)$ – доля голосов (доля от единицы) за каждую партию. Так как одно голосование в качестве оценки может быть непоказательным, предлагается брать среднее число эффективных партий по последним выборам в региональный парламент и федеральным выборам на территории региона (при полностью мажоритарной системе – среднее эффективное число кандидатов по округу). Брать среднее по большему числу

голосований (к примеру, по двум последним федеральным и региональным выборам) означает делать данную характеристику более инерционной и менее гибкой. Аналогичный показатель по выборам губернаторам до 2017 г. было невозможно учитывать, так как, во-первых, данные выборы пройдут во всех регионах только после сентября 2017 г. Во-вторых, однократного проведения выборов губернатора недостаточно для определения среднего показателя.

Во многих исследованиях характеристика уровня конкуренции является базовой, однако, на наш взгляд, данная характеристика недостаточна, так как, во-первых, эта оценка сама по себе меняется медленно (т.е. раз в 4–5 лет, если брать только федеральный или региональный уровень, несколько чаще, если брать среднюю между ними), тогда как динамика развития политической ситуации в регионах нередко более выражена. Во-вторых, российский политический опыт говорит о том, что в российской политической практике формальные данные политической конкуренции могут быть сфабрикованы под заранее установленные цифры и не говорить о реальном уровне конкуренции. К примеру, в регионах Северного Кавказа является почти нормой, когда результаты выборов за почти идентичный список партий на выборах разного уровня не совпадают. Очевидно, это может говорить о высоком уровне управляемости результатами, когда из-за особенностей методики распределения мандатов между списками и внутри списка между территориальными группами на федеральных выборах власти заинтересованы обеспечивать максимальный процент одной-единственной партии. При этом на региональных выборах цели концентрировать голоса вокруг единственной партии уже нет и важнее гарантировать подобие конкуренции и дать возможность быть представленным разным элитным группам.

К примеру, 18 сентября 2016 г. одновременно с выборами депутатов Государственной думы проходили 39 выборов депутатов региональных парламентов. Так, в Дагестане у «Единой России» на выборах в Госдуму было почти 88,9%, а на одновременных выборах в Народное собрание республики – только 75,5%, зато у «Справедливой России» вместо 2,2% сразу стало 10,45%, у КПРФ вместо 5,4–9,1%. В Чеченской Республике на выборах в Госдуму у «Единой России» было 96,3%, а на выборах в парламент Чечни только 87,7%, при этом у «Справедливой России» вместо 1,1% получилось 5,6%, у КПРФ вместо 0,02% стало 5,3%.

В Ингушетии на выборах в Госдуму у «Единой России» 72,4%, у ЛДПР 1,7%, а на выборах в парламент Ингушетии соответственно 75,9 и 5,0%, при этом на 1,6% ниже результаты «Справедливой России», на 1,3 – «Родины» и на 0,9% – «Патриотов России».

Индикатор № 2. Институциональная независимость депутатов регионального парламента. Определяется через оценку политической независимости и самостоятельности депутатов в виде доли депутатов на постоянной основе от общего числа мест в законодательном собрании. Уровень самостоятельности представительного органа является одной из важнейших характеристик регионального политического режима. Традиционно в России губернаторы стремятся иметь максимально несамостоятельные и малочисленные региональные парламента, стремясь к тому, чтобы у депутатов не было времени на самостоятельную законодательную и аналитическую деятельность. Фактически в России право депутата работать на постоянной основе во многом тождественно праву быть профессиональным политиком.

Индикатор № 3. Защита парламентских прав оппозиции в региональном парламенте. Число представителей политических партий, помимо «Единой России», на постах спикера, вице-спикеров и председателей комитетов региональных парламента (доля от общего числа, комиссии считаются, в случае если по регламенту данного ЗС они приравнены к комитетам, например если их председатель работает на постоянной основе). Является довольно показательной характеристикой сложности общего состава региональной элиты и ее фактической внутренней конкурентности, в значительной степени демонстрирует стиль региональной власти и ее готовность к сотрудничеству и компромиссу.

Индикатор № 4. Состояние системы местного самоуправления через систему управления административного центра региона. Каждая применяемая модель получает свой индикатор в зависимости от того, насколько в ней отражена возможность избирателей непосредственно формировать руководство органов местного самоуправления. Для Московской и Ленинградской областей, фактически не имеющих муниципального образования – административного центра, взят средний показатель по трем крупнейшим по числу жителей городам региона (в Московской области Балашиха, Химки, Подольск, для Ленинградской области являющиеся городскими поселениями Гатчина и Выборг, а также являющийся городским округом

Сосновый Бор). Для Москвы и Санкт-Петербурга, где система МСУ во внутригородских районах во многом носит декоративный характер (нет даже сити-менеджеров, так как формально органы исполнительной власти на территории района являются подразделениями администрации субъекта Федерации, органы МСУ избирают выполняющие церемониальные функции руководящие органы), установлен низший балл. Для Севастополя с более сильными районными органами МСУ присвоен такой же балл, как для региональных центров с системой сити-менеджера (создано два городских муниципальных округа, совпадающих в границах с районами – Ленинский, Гагаринский; в границах Нахимовского и Балаклавского районов существуют меньшие по площади муниципальные округа, в округах существуют советы с главами и главы администрации, нанятые по контракту).

При этом ситуация оценивается исходя из порядка, по которому избрано действующее руководство муниципального образования регионального центра на день проведения подсчета, даже если следующие городские власти должны быть избраны иначе. Это связано с тем, что нередко текущие изменения уставов муниципальных образований пересматривают порядок формирования руководства органов МСУ и затем отменяются, даже иногда не успев быть примененными. При этом очевидно, что отличается ситуация, когда даже изменив порядок выборов главы муниципального образования, удастся сохранить до конца действующих полномочий действующую городскую власть (например, избранного населением мэра), и ситуация, когда одновременно с изменением устава действующий глава МСУ тем или иным способом досрочно отстраняется от должности. В первом случае мы имеем большую степень реального авторитета и самостоятельности органов МСУ, способность руководства муниципалитета оказывать политическое сопротивление оказываемому давлению, и это, несомненно, нужно учитывать в оценках.

Порядок определения оценок:

Уровень политической конкуренции: среднее ЭЧП по последним региональным и федеральным выборам на территории региона равно числу баллов;

Состояние системы местного самоуправления:

- введена новая система многоступенчатого делегирования по закону 2014 г., т.е. вначале районные депутаты избирают городских, а те избирают органы власти; также низший балл получает

специфическая система МСУ в Санкт-Петербурге и Москве (низший балл = 1);

- схема 2015 г.: депутаты избирают главу, предложенного конкурсной комиссией, который одновременно является главой муниципального образования и главой администрации (второй балл с конца = 2);

- прямые выборы населением главы города отменены, главой является избираемый депутатами фактически председатель горсовета, исполнительная власть у сити-менеджера; аналогичный балл получает схема 2015, когда депутаты сами избирают единоличного мэра без конкурсной комиссии, т.е. без вмешательства региона (третий балл с конца = 3);

- гибридная схема: население избирает главу муниципального образования, который возглавляет совет и сосуществует с нанятым по контракту главой администрации, именуемым в обиходе «сити-менеджером» (следующее место за высшим баллом = 4);

- сохранены прямые выборы главы муниципального образования, который лично возглавляет администрацию (высший балл = 5).

Институциональная независимость депутатов регионального парламента:

все депутаты – максимальная оценка (5 баллов);

более 50% – повышенная (4 балла);

от 25 до 50% – средняя (3 балла);

менее 25% – пониженная (2 балла);

менее 10% депутатского корпуса – низкая (1 балл).

Защита парламентских прав оппозиции: через долю от общего числа мест в руководстве ЗС:

0% – отсутствует (ноль баллов);

0–10% – слабая (1 балл);

10–25% – средняя (2 балла);

25–40% – повышенная (3 балла);

41–50% – высокая (4 балла);

более 50% – сверхвысокая (5 баллов).

Результаты измерений

Обобщенные результаты измерений по отдельным характеристикам представлены в таблицах 1–2 (более подробно не позволяет объем журнальной публикации), интегральные оценки в таблице номер 3 (получены путем перемножения индикаторов, результат переведен в баллы от гипотетического результата в 100%). Причем даже изменения системы баллов и градации оценок почти не меняют положение регионов относительно друг друга, выбор же в качестве итоговой оценки сравнения с гипотетическим 100%-м результатом по данным характеристикам демонстрирует степень приближения (или удаления) общей ситуации от данного гипотетического институционального максимума.

С одной стороны, явно присутствует существенная корреляция между регионами-лидерами рейтинга МЦК в 2000-е годы и регионами-лидерами по качеству региональных политических институтов в данном исследовании. С другой стороны, есть и различия, показывающие различия изменения динамики по отдельным институциональным характеристикам по регионам и отличия с 2000-ми.

Так в целом по уровню демократичности в 2000-е в рейтинге МЦК лидировали Пермский край, Иркутская и Свердловская области, далее шли Красноярский край, Санкт-Петербург, Карелия, Новосибирская, Ярославская, Нижегородская и Самарская области. По данному рейтингу измерения качества региональных политических институтов довольно прочными остаются позиции Красноярского края, Новосибирской области, однако Пермский край, Иркутская и Свердловская области из группы лидеров по сравнению с рейтингами демократичности 2000-х годов выпали, хотя с точки зрения политической мифологии они продолжают считаться одними из самых «либеральных» регионов. Однако на практике политические институты в этих регионах пережили очевидную деградацию, особенно хорошо это видно на судьбе органов местного самоуправления. В Свердловской области ликвидирован двухпалатный парламент, одна из палат которого работала на полностью профессиональной основе.

На фоне «управляемой партийности» 2000-х годов к 2011 г. снизился уровень политической конкуренции в Карелии. Однако непопулярность назначенного главой региона А. Нелидова и ак-

тивная деятельность местных групп элиты стали одним из факторов того, что в результате сверхконкурентных на общем фоне результатов выборов Законодательного собрания Карелии в декабре 2011 г. и последующего распределения постов в региональном парламенте регион в 2012–2014 гг. вышел в лидеры по представленности оппозиции в руководстве регионального парламента. Однако в 2016–2017 гг. он вновь рухнул вниз после силовой политической зачистки уже при следующем главе региона А. Худилайнене, отмены выборов населением мэра Петрозаводска и резкого снижения конкурентности на выборах и в работе регионального парламента. Другой пример резких перемен положения в рейтинге – Астраханская область, где лидерство на январь 2011 г. объясняется во многом конкурентными результатами выборов 2007 г. и инерцией их влияния на общую ситуацию в регионе. На этом фоне даже скандалы на выборах мэра Астрахани 2009 г. не могли повлиять на оценку, так как продолжала действовать ранее избранная дума области. И только после того, как скандалы, аналогичные октябрю 2009 г., произошли и в ходе голосования в Астрахани на выборах декабря 2011 г., резко изменились оценки уровня политической конкуренции в регионе в целом.

Хорошо видно, что качество региональных политических институтов по рассматриваемым характеристикам в большинстве регионов существенно выросло после января 2011 г. Несомненное влияние на это оказали результаты выборов марта и декабря 2011 г., которые в большинстве регионов ознаменовались повышением уровня политической конкуренции на фоне намного менее конкурентных выборов 2007 г. Отложенный эффект на это также оказали отдельные институциональные меры, принятые в ходе президентства Д. Медведева. Так в своем Послании Федеральному Собранию от 12 ноября 2009 г. Президент РФ Д. Медведев включил ряд мер, связанных с институциональным усилением партий и региональных представительных органов. Юридически они были воплощены в 2010 г., а их практические последствия стали наиболее существенными после региональных выборов 2011 г. В частности, всем партиям, представленным в региональных парламентах, гарантировалась возможность формировать фракции (ранее во многих регионах регламенты не давали такой возможности), а также оформление их представителей для работы депутатами на

постоянной основе (естественно, при согласии самого депутата на данную работу).

Однако в дальнейшем средний уровень оценки качества региональных политических институтов вновь начал снижаться. Это связано с комплексом причин. Одни из самых существенных – муниципальная контрреформа и растущее число случаев отмены выборов глав муниципальных образований населением (в ряде случаев усугубленных и отменой прямых выборов городского представительного органа и замена их делегированием из состава советов внутригородских районов). Также с осени 2013 г. началось институциональное наступление на политические партии. В первую очередь речь идет о снижении доли депутатов, избираемых по партспискам (к примеру, выборы депутатов Мосгордумы в 2014 г. прошли уже по полностью мажоритарной системе), что повлияло на уменьшение представительства оппозиции. Так на выборах депутатов региональных парламентов 13 сентября 2015 г. «Единая Россия» выиграла 213 округов из 230 (или 92,6%), на следующих выборах депутатов региональных парламентов 18 сентября 2016 г. ЕР получила уже 747 из 798 мест по мажоритарной системе (93,6%). Под предлогом «сокращения расходов» началось новое уменьшение числа депутатов, работающих на постоянной основе. Комплекс технологий привел к снижению результатов оппозиционных партий также по партийным спискам: активное использование партий-спойлеров; негласные соглашения между властью и партиями «парламентской оппозиции», снизившие качество кампаний электоральной мобилизации; перенос выборов на сентябрь в расчете на низкую явку и т.д. [Кынев, Любарев, Максимов, 2015].

При этом если до первого полугодия 2016 г. средние характеристики оценки качества региональных политических институтов снижались в целом плавно и постепенно, то для второго полугодия 2016 г. характерно их лавинообразное снижение, что отразилось в показателях на 1 января 2017 г.

Это связано с тем, что все основные перемены, накопленные в том числе комплексом ряда решений 2014–2016 гг., были фактически отсрочены до проведения федеральных и региональных выборов 18 сентября 2016 г. При том после 18 сентября произошло полное обновление показателей расчета уровня политической конкуренции (во всех регионах по итогам федеральных выборов, и в 39 по итогам выборов депутатов региональных парламентов), ко-

торые почти повсеместно снизились. Также после 18 сентября 2016 г. по многим регионам снизились показатели доли мест депутатов, работающих на штатной основе, а также представленности оппозиции в руководстве региональных парламентов (так как доли мест оппозиции в депутатском корпусе повсеместно снизились, то и доля мест в руководстве снизилась, причем зачастую радикальнее, чем снижение числа мест в депутатском корпусе). В некоторых случаях решения о снижении числа депутатов, работающих на штатной основе, были приняты еще в созыве 2011–2016 гг., но вступили в силу только после 18 сентября 2016 г. Также именно после 18 сентября 2016 г. по многим регионам вступили в силу новые нормы о формировании органов власти административных центров, как по причине избрания новых созывов городских представительных органов, так и по причине ухода целого ряда глав муниципальных образований в Государственную думу по итогам выборов. Таким образом, существенное снижение средних оценок качества региональных политических институтов произошло уже после 18 сентября 2016 г.

В целом регионы-лидеры и регионы-аутсайдеры по итогам измерений 2015–2016 гг. стабильны, хотя существует некоторая коррекция внутри групп: по некоторым регионам оценки снижаются быстрее, чем по другим, некоторые иногда улучшают показатели по отдельным характеристикам (например, уровень конкуренции в некоторых регионах вырос, некоторые регионы в отличие от большинства усилили представительство оппозиции в руководстве ЗС, например в 2015–2016 гг. Северная Осетия).

При этом показательно, что даже регион с наилучшей оценкой по качеству институционального дизайна получил на 1 января 2017 г. лишь 25,6% от максимально возможной оценки. Фактически это означает, что в такой ситуации существенных улучшений ситуации нет нигде: регионы отличаются лишь скоростью деградации. Лучшими оказываются в основном не те, кто добился улучшений, а кто смог избежать ухудшения или хотя бы остаться на прежнем уровне. При этом сокращается амплитуда колебаний между лучшими и худшими, которые по многим формальным характеристикам становятся все ближе друг к другу.

Низкое качество политических институтов в регионе может быть негативным фактором с точки зрения вопроса политической стабильности в регионе в первую очередь в сочетании с наличием

на данной территории значимых внутренних конфликтов и существенной неоднородности элиты. Фактически речь идет о том, что если в регионе нет институтов, адекватных сложности ситуации, с помощью которых элитные группы способны добиваться согласия и компромисса (институты таким образом амортизируют последствия кризиса), то нарастание кризисных явлений и противоречий в таком случае может привести к существенной политической дестабилизации в данном регионе. Мало иметь кризисную социально-экономическую ситуацию, важно иметь игроков, способных ей воспользоваться, и систему, неспособную кризис разрешить. При отсутствии в регионе значимых конфликтов даже низкое качество управления в условиях социально-экономического кризиса, скорее всего, не будет сопровождаться существенной протестной активностью (максимум – в таком случае могут наблюдаться временные локальные протестные всплески), что будет лишь вести к консервации подобного качественного уровня. И наоборот, наличие явного общественного недовольства и элитных конфликтов может стать одним из факторов стремления улучшить качество институтов.

Список литературы

- Гельман В.Я. Возвращение Левиафана? Политика рецентрализации в современной России // Полис: Политические исследования. – М., 2006. – № 2. – С. 90–109.
- Гельман В.Я. Динамика субнационального авторитаризма: Россия в сравнительной перспективе // Общественные науки и современность. – М., 2009. – № 3. – С. 50–63.
- Гельман В.Я., Рыженков С.И. Локальные режимы, городское управление и «вертикаль власти» в современной России // Политэкс. – СПб., 2010. – № 4. – Режим доступа: <http://www.politex.info/content/view/764/30/> (Дата посещения: 31.07.2017.)
- Даль Р.А. Полиархия: Участие и оппозиция. – М.: Изд. дом ГУ – ВШЭ, 2010. – 288 с.
- Демократический аудит регионов: Предварительные результаты / Ин-т «Общественная экспертиза». – М., 2006. – Режим доступа: <http://www.freepress.ru/publish/publish043.shtml> (Дата посещения: 30.06.2017.)
- Индекс социально-экономической и политической напряженности / Комитет гражданских инициатив. – Режим доступа: <https://komitetgi.ru/projects/2901/> (Дата посещения: 30.06.2017.)
- Кынев А.В., Любарев А.Е., Максимов А.Н. На подступах к федеральным выборам – 2016: Региональные и местные выборы в России 13 сентября 2015 года. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2015. – 564 с.

- Орешкин Д.* География электоральной культуры и цельность России // Полис: Политические исследования. – М., 2001. – № 1. – С. 73–93.
- Орешкин Д.* Мы нашли, где прячется административный ресурс // Новая газета. – М., 2007. – 29 ноября, № 91. – Режим доступа: <http://old.memo.ru/hr/hotpoints/caucas1/msg/2007/11/m116092.htm> (Дата посещения: 14.08.2017.)
- Петров Н.В.* Демократичность регионов России // Брифинг Московского Центра Карнеги. – М., 2005. – Т. 7, вып. 9, октябрь. – 138 с.
- Петров Н.В., Титков А.С.* Индекс демократичности // Россия регионов: В каком социальном пространстве мы живем? / Независимый ин-т социальной политики. – М.: Поматур, 2005. – С. 84–86.
- Пишеворский А.* Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. – М.: РОССПЭН, 1999. – 320 с.
- Региональные политические поля России: Сравнительный анализ (26 января 2006) // Семинар «Полития». – М., 2006. – 26 января. – Режим доступа: <http://politeia.ru/content/seminar/regionalnye-politicheskie-polja-rossii-sravnitelnyj-analiz/> (Дата посещения: 30.06.2017.)
- Рейтинг демократичности регионов Московского центра Карнеги: 10 лет в строю. – М.: Московский центр Карнеги, 2013. – Режим доступа: <http://carnegie.ru/2013/12/25/ru-pub-55853> (Дата посещения: 30.06.2017.)
- Россия регионов: Трансформация политических режимов / Под ред. В. Гельмана, С. Рыженкова, М. Бри. – М.: Весь мир, 2000. – 376 с.
- Шумпетер Й.* Капитализм, социализм и демократия // Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. – М.: Эксмо, 2008. – С. 363–824.
- Яковенко И.А.* Демократический аудит России: Анализируем уровень свободы и демократии в российских регионах // Новая газета. – М., 2005. – 12 декабря. – Режим доступа: <http://2005.novayagazeta.ru/nomer/2005/95n/n95n-s12.shtml> (Дата посещения: 30.06.2017.)
- Gervasoni C.A.* Rentier Theory of subnational regimes: Fiscal federalism, democracy, and authoritarianism in the Argentine provinces // World politics. – Baltimore, 2010. – Vol. 62, N 2. – P. 302–340.
- Gibson E.L.* Boundary control: Subnational Authoritarianism in democratic countries // World politics. – Baltimore, 2005. – Vol. 58, N 4. – P. 101–132.
- Gibson E.L.* Subnational authoritarianism and territorial politics: Charting the theoretical landscape // Paper presented at the annual meeting of the APSA 2008 Annual Meeting, Hynes Convention Center, Boston. – Boston, 2008. – Mode of access: http://citation.allacademic.com/meta/p_mla_apa_research_citation/2/7/8/5/7/p278578_index.html (Дата посещения: 30.06.2017.)
- Laakso M., Taagepera R.* Effective number of parties: A measure with application to Western Europe // Comparative political studies. – Thousand Oaks, CA, 1979. – N 12 (1). – P. 3–27.
- Petrov N.* Regional models of democratic development // Between dictatorship and democracy: Russian Post-Communist political reform / M. McFaul, N. Petrov, A. Ryabov (eds). – Washington: Carnegie endowment for international peace, 2004. – P. 239–267.

Приложение

Таблица 1

Подсчеты по изменению системы местного самоуправления

		Балл на 01.01.2011	Балл на 1.01.2015	Балл на 01.01.2016	Балл на 01.01.2017
Средний балл	Система МСУ в административном центре ¹	3,82 (317/83)	3,56 (302,7/85)	3,19 (271,33/85)	3,094 (263/85)

Таблица 2

Защита парламентских прав оппозиции и институциональная независимость депутатов региональных парламентов

	Защита парламентских прав оппозиции				Институциональная независимость депутатов			
	01.01.2011	1.01.2015	1.01.2016	1.01.2017	01.01.2011	1.01.2015	1.01.2016	1.01.2017
СУММА	80 из 872 (9,17%)	135 из 939 (14,37%)	135 из 958 (14,09%)	105 из 928 (11,31%)	1367 из 3909 (34,97%)	1398 из 4054 (34,48%)	1398 из 4069 (34,36%)	1271 из 4065 (31,27%)

Таблица 3

Интегральные оценки качества региональных политических институтов

На 01.01.2011		На 01.01.2015		На 1.01.2016		На 1.01.2017	
1		2		3		4	
Астраханская область	17,23	Карелия	64	Приморский край	51,2	Красноярский край	25,6
Ленинградская область	13,63	Приморский край	51,2	Вологодская область	38,4	Мурманская область	23,0
Мурманская область	12,94	Московская область	30,7	Мурманская область	30,7	Саха (Якутия)	21,6
Ставропольский край	12,44	Мурманская область	30,7	Калининградская область	28,8	Приморский край	21,6
Самарская область	12,38	Красноярский край	28,8	Томская область	28,8	Калининградская область	21,6

¹ Для Московской и Ленинградской областей взят средний показатель по трем крупнейшим по числу жителей города регионам. Для Москвы и Санкт-Петербурга установлен низший балл. Для Севастополя с более сильными районными органами МСУ присвоен такой же балл, как для региональных центров с системой сити-менеджера.

Продолжение табл. 3

1		2		3		4	
Приморский край	10,37	Вологодская область	28,8	Республика Карелия	25,6	Новосибирская область	21,6
Вологодская область	10,14	Калининградская область	28,8	Ленинградская область	23,0	Ненецкий АО	21,6
Ярославская область	10,11	Ленинградская область	28,8	Новосибирская область	21,6	Свердловская область	20,5
Красноярский край	10,08	Республика Алтай	25,6	Саха (Якутия)	21,6	Республика Алтай	19,2
Московская область	9,28	Иркутская область	23,04	Московская область	20,5	Новгородская область	19,2
Волгоградская область	9,09	Якутия (Саха)	21,6	Республика Алтай	19,2	Чукотский АО	19,2
Хабаровский край	9,06	Томская область	21,6	Красноярский край	19,2	Иркутская область	17,3
Адыгея	8,95	Коми	17,28	Владимирская область	17,3	Ленинградская область	17,3
Нижегородская область	8,93	Пермский край	17,28	Тульская область	17,3	Воронежская область	14,4
Карелия	8,64	Владимирская область	17,28	Ставропольский край	17,3	Владимирская область	13,0
Ненецкий АО	8,28	Смоленская область	15,36	Пермский край	17,3	Адыгея	12,8
Тверская область	8,08	Архангельская область	14,4	Забайкальский край	17,3	Ярославская область	12,8
Сахалинская область	7,87	Кировская область	14,4	Иркутская область	17,3	Карелия	11,5
Калининградская область	7,60	Новгородская область	14,4	Санкт-Петербург	16,0	Вологодская область	11,5
Свердловская область	7,27	Новосибирская область	14,4	Смоленская область	15,4	Московская область	11,5
Иркутская область	7,13	Омская область	14,4	Новгородская область	14,4	Смоленская область	11,5
Коми	6,89	Тульская область	14,4	Кировская область	14,4	Тульская область	11,5
Владимирская область	6,58	Оренбургская область	12,96	Омская область	14,4	Сахалинская область	9,6
Саха (Якутия)	6,34	Республика Адыгея	12,8	Амурская область	14,4	Санкт-Петербург	9,6
С.-Петербург	6,05	Санкт-Петербург	12,8	Волгоградская область	13,0	Калмыкия	8,6
Еврейская АО	5,90	Чукотский АО	12,8	Ярославская область	12,8	Пермский край	8,6
Воронежская область	5,86	Бурятия	11,52	Адыгея	12,8	Амурская область	8,6
Костромская область	5,57	Воронежская область	9,6	Чукотский АО	12,8	Волгоградская область	8,6

Продолжение табл. 3

1		2		3		4	
Пермский край	5,44	Липецкая область	9,6	Костромская область	11,5	Костромская область	8,6
Чукотский АО	5,44	Сахалинская область	9,6	Сахалинская область	9,6	Нижегородская область	8,6
Камчатский край	5,42	Кабардино-Балкария	8,64	Орловская область	8,6	Орловская область	8,6
Орловская область	5,30	Северная Осетия	8,64	Северная Осетия	8,6	Еврейская АО	8,6
Краснодарский край	5,23	Забайкальский край	8,64	Коми	7,7	Ханты-Мансийский АО	8,6
Новгородская область	5,17	Ставропольский край	8,64	Свердловская область	7,7	Севастополь	8,6
Оренбургская область	5,07	Волгоградская область	8,64	Тюменская область	7,7	Ставропольский край	7,7
Томская область	5,02	Ивановская область	8,64	Воронежская область	7,2	Архангельская область	7,7
Калужская область	5,01	Костромская область	8,64	Ненецкий АО	7,2	Хабаровский край	7,2
Тамбовская область	4,90	Орловская область	8,64	Хабаровский край	7,2	Томская область	7,2
Магаданская область	4,80	Рязанская область	8,64	Ивановская область	5,8	Москва	5,8
Новосибирская область	4,67	Ульяновская область	8,64	Калужская область	5,8	Башкортостан	5,8
Чеченская	4,56	Дагестан	7,68	Курская область	5,8	Карачаево-Черкесия	5,8
Архангельская область	4,54	Калужская область	7,68	Тамбовская область	5,8	Коми	5,8
Липецкая область	4,53	Ярославская область	7,68	Архангельская область	5,8	Северная Осетия	5,8
Алтай	4,24	Свердловская область	7,68	Карачаево-Черкесия	5,8	Забайкальский край	5,8
Ростовская область	4,24	Ненецкий АО	7,2	Нижегородская область	5,8	Ивановская область	5,8
Смоленская область	4,20	Карачаево-Черкесия	5,76	Оренбургская область	5,8	Калужская область	5,8
Хакасия	4,18	Камчатский край	5,76	Самарская область	5,8	Магаданская область	5,8
Дагестан	4,10	Амурская область	5,76	Камчатский край	5,8	Тамбовская область	5,8
Рязанская область	4,08	Курская область	5,76	Магаданская область	5,8	Хакасия	4,8
Алтайский край	4,05	Нижегородская область	5,76	Чеченская Республика	4,8	Чеченская Республика	4,8
Ямало-Ненецкий АО	3,82	Самарская область	5,76	Хакасия	4,8	Омская область	4,8

Продолжение табл. 3

1		2		3		4	
Тюменская область	3,76	Тамбовская область	5,76	Калмыкия	4,3	Кабардино-Балкария	4,3
Забайкальский край	3,73	Тюменская область	5,76	Москва	4,3	Астраханская область	4,3
Тульская область	3,69	Хакасия	4,8	Тверская область	4,3	Самарская область	4,3
Курская область	3,67	Хабаровский край	4,8	Кабардино-Балкария	4,3	Тверская область	4,3
Ханты-Мансийский АО	3,63	Калмыкия	4,32	Ульяновская область	4,3	Белгородская область	3,8
Кемеровская область	3,62	Алтайский край	4,32	Ханты-Мансийский	4,3	Курская область	3,8
Ивановская область	3,54	Тверская область	4,32	Алтайский край	4,3	Кемеровская область	3,2
Бурятия	3,50	Ханты-Мансийский АО	4,32	Белгородская область	3,8	Бурятия	2,9
Ульяновская область	3,36	Москва	4,32	Брянская область	3,8	Удмуртия	2,9
Саратовская область	3,30	Белгородская область	3,84	Липецкая область	3,8	Чувашия	2,9
Ингушетия	3,17	Псковская область	3,84	Псковская область	3,8	Кировская область	2,9
Псковская область	3,01	Ямало-Ненецкий АО	3,84	Татарстан	3,8	Оренбургская область	2,9
Чувашия	2,58	Кемеровская область	3,2	Кемеровская область	3,2	Пензенская область	2,9
Удмуртия	2,51	Башкортостан	2,88	Рязанская область	2,9	Псковская область	2,9
Челябинская область	2,50	Чувашия	2,88	Астраханская область	2,9	Рязанская область	2,9
Брянская область	2,43	Астраханская область	2,88	Башкортостан	2,9	Тюменская область	2,9
Кировская область	2,21	Магаданская область	2,88	Пензенская область	2,9	Ульяновская область	2,9
Кабардино-Балкария	2,09	Еврейская АО	2,88	Бурятия	2,9	Липецкая область	2,6
Омская область	2,06	Чечня	2,4	Еврейская АО	2,9	Татарстан	1,9
Тува	2,06	Ингушетия	1,92	Краснодарский край	1,9	Алтайский край	1,9
Северная Осетия	2,05	Марий Эл	1,92	Ростовская область	1,9	Камчатский край	1,9
Москва	2,04	Татарстан	1,92	Ямало-Ненецкий АО	1,9	Краснодарский край	1,9
Амурская область	2,03	Удмуртия	1,92	Дагестан	1,4	Брянская область	1,9

Продолжение табл. 3

1		2		3		4	
Белгородская область	2,03	Краснодарский край	1,92	Курганская область	1,4	Ростовская область	1,9
Пензенская область	1,88	Брянская область	1,92	Тува	1,4	Крым	1,9
Карачаево-Черкесия	1,50	Ростовская область	1,92	Ингушетия	1,3	Дагестан	1,4
Татарстан	1,46	Тува	1,44	Марий Эл	1,0	Тува	1,4
Курганская область	1,39	Курганская область	1,44	Мордовия	1,0	Курганская область	1,4
Башкортостан	1,32	Пензенская область	1,44	Удмуртия	1,0	Ингушетия	1,3
Мордовия	1,13	Мордовия	0,96	Чувашия	1,0	Ямало-Ненецкий АО	1,3
Калмыкия	1,10	Саратовская область	0,96	Саратовская область	1,0	Марий Эл	1,0
Марий Эл	1,01	Челябинская область	0,64	Челябинская область	0,6	Мордовия	1,0
						Челябинская область	1,0
						Саратовская область	0,6